

## II. ЖАНРОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

---

**Васильев И.Е. (Екатеринбург)**

**Жанровый спектр неофициальной поэзии 1930- 1950-х годов:  
стихи и песни политических заключенных**

Неофициальная поэзия – явление эстетически и культурно оппозиционное ортодоксальному искусству сталинской эпохи. Понятие это пересекается с явлением «самиздата», но им не исчерпывается, так как термин «самиздат» обозначает, прежде всего, нелегальный, в обход государственных (а в СССР изучаемого времени других не существовало) издательств, способ публикации любых текстов. Между тем, многие произведения неофициальных поэтов не были изданы при жизни авторов и стали публиковаться лишь в постсоветское время. Смысловой параллелью к обозначению *неофициальная поэзия* выступают выражения «потаенная», «подпольная», «альтернативная», «параллельная», «другая», «вторая» поэзия. Соответствующий раздел в антологии «Самиздат века» называется «Непохожие стихи», тем не менее, в ее электронной версии на сайте «Русская виртуальная библиотека» (<http://www.rvb.ru/>) он значится именно как «Неофициальная поэзия»). Один из разработчиков сайта так определяет общую установку коллектива: «Мы ... хотели показать независимых авторов. Нас интересовало то, что написано без разрешения. Эстетическое сопротивление. Изживание рабского сознания. Внутреннее преодоление тоталитаризма. Очищение подкормки. Эти интенции присутствовали в неофициальной культуре. И дали результаты, в том числе, по нашему мнению, настоящую, насущную современную русскую поэзию» [Ахметьев 1998: 307]. Таким образом, неофициальная поэзия – это независимое, противостоящее господствующим эстетическим представлениям и осуществляемое вопреки запретам неподцензурное творчество авторов, находящихся не только вне главенствующего в сталинский период социалистического реализма, но и вне советской системы ценностей. Это творчество тех «еретиков», которые, по мнению Е. Замятина, высказанному еще в начальный период становления советской государственности в статье «Я боюсь» [Замятин 1921: 43-45], не желали быть «исполнительными и благонадежными чиновниками», правоверными послушниками государственного «католицизма», не терпящего ни малейшей критики в свой адрес.

Сопротивляющихся режиму ждала суровейшая кара: тюрьмы, лагеря, ссылки, а то и «высшая мера» – расстрел. Но и находясь в заключении, люди продолжали писать стихи, записывая их с помощью тайнописи и специальных шифров, тщательно оберегая их от тюремщиков, а то и просто храня в своей памяти. Сотни создателей поэтиче-

ских творений могли бы с полным правом присоединиться к строкам «тюремного поэта», как называла себя Елена Владимировна (1902-1962): «Мои стихи шагали по этапам, / Не спали ночь над нарами тюрьмы. / Их трудный путь страданиями впечатан / В нагую, злую почву Колымы» [Горелов 1993].

*Политическая поэзия*, поэзия репрессированных авторов - создателей лирики и песен ГУЛАГа – одна из важнейших линий развития литературного процесса 1930 –1950-х годов. Антитоталитарная *гражданская лирика* выражала неприятие существующего строя и использовала *инвективы*, *сатиру*, выражала пафос сопротивления. В адрес большевиков, властей, Сталина неслись слова *проклятий*, *угрозы*, *пожелания* скорейшей гибели:

Когда наш мудрый вождь умрет,  
В Москву я тотчас поспешу  
И стих надгробный — этот вот —  
На мавзолее напишу:  
«Проклятье вечное ему!  
Не жизнь нам — каторгу создал.  
Он миллион загнал в тюрьму,  
Десятки тысяч расстрелял.  
Рабами сделал остальных,  
Иванами, что без родства...»  
О Боже, как же слаб мой стих,  
Как немощны мои слова!.. (1946) [1]

В *обвинительных патетических* стихах Сталина называли упырем, палачом, тираном, злодеем, в *иронических* — «семинаристом неразумным», паханом.

Настроенная на коммуникацию, неофициальная гражданская лирика активно использовала *апеллятивные жанры*. Распространены были стихотворные *политические послания*, разоблачительные *письма* и ищущие правды *обращения*, направленные в адрес партийных форумов и съездов, Ленина, как инстанции высшей справедливости (Геннадий Куприянов «Обращение к XIX партсъезду»), самого Сталина:

Товарищ Сталин!  
Слышишь ли ты нас?  
Заламывают руки,  
Бьют на следствии.  
О том, что невиновных  
Топчут в грязь,  
Докладывают вам  
На съездах и на сессиях?  
Товарищ Сталин!  
Камни говорят  
И плачут, видя  
Наше замерзание.  
Вы сами были в ссылках,

Но навряд  
Вас угнетало  
Так самодержавие.  
Товарищ Сталин.  
Заходи в барак,  
Окинь суровым взглядом  
Нары длинные.  
Тебе доложат,  
Что я подлый враг,  
Но ты взгляни  
В глаза мои невинные.  
Я — весь Россия!  
Весь, как сноп, дымлюсь,  
Зияю телом,  
Грубым и задубленным.  
Но я еще когда-нибудь явлюсь,  
Чтобы сказать  
От имени загубленных.  
Ты прячешься,  
Ты трусишь,  
Ты нейдешь,  
И без тебя бегут в Сибирь  
Составы скорые.  
Так, значит, ты, Верховный,  
Тоже ложь,  
А ложь подсудна,  
Ей судья — история! [Боков 1999: 126]

(Виктор Боков «Письмо Сталину из лагеря», 1944)

Письма-обращения и послания верных ленинцев, считавших, что Сталин и его сторонники извратили революционное дело, обычно содержали некую обвинительно-разоблачительную часть, переходящую в просьбу изменить ситуацию: восстановить поправленную несправедливость и наказать виновных. Так, в стихотворении Геннадия Куприянова «Обращение к XIX партсъезду» (1952) звучит призыв:

Послушай, съезд! Взгляни на вещи смело.  
Слепому старику (Сталину — И.В.) глаза открой,  
Возьмись за дело Ленина умело  
И разгони чекистов грязный рой! (с.894)

В *посланиях-инвективах* борцов со сталинизмом и советским строем присутствовало радикальное отторжение от происходящего в стране. Такие стихи использовали нелицеприятные оценки, *хулу* и *брань* (Павел Васильев «Эпиграмма в античном духе», Анатолий Клещенко «Вызов», «Канал имени Сталина»). Звучали слова гневных *проклятий*:

Прокляну всех тех, кто губит  
Цвет народа в лагерях,

Тех, кого народ не любит,  
Кто в сердца вселяет страх.  
Тех, кто грязно, гнусно, глупо  
Правит там, в Москве, в Кремле!  
Чьи дела зловонным трупом  
Будут гнить в родной земле [Соколов 1999: 85].  
(Валентин Соколов «Над страной ночь глухая...», 1955)

Активно развивалась *обличительная поэзия*, обрушивающаяся на сами устои общественного устройства:

Фасад – ура-демократизм,  
А зад – лишь голый деспотизм:  
Всё, что покорно, то в ярме,  
Что непокорно – то в тюрьме (с. 863).

Раздавались патриотические *плачи* о загубленной коммунистами России. Страна представляла не способной помочь своим гражданам, оказывалась плененной, как в стихотворении Клавдии Черкашиной «Заступница-Россия» (1949):

Но ты молчишь ... – Иль речь бедна?  
Иль песнь последняя пропета? Заступница?!  
Ведь ты сама  
Колючей проволокой одета ... (с. 878), –

или в четверостишии Бориса Левятова-Селиверстова:

Не ломайте в отчаянье руки,  
Вы забудьте про горе свое:  
Вся Россия сегодня в разлуке –  
Разлучили с волей ее (с. 776).

*Стенаниям* и *плачам* противостояли *призывы* к сопротивлению, адресно указывались враги: «Не Колыму надо, милые, клясть, / А коммунистов, советскую власть» (с. 722). По отношению к ним использовались как решительное отторжение и непримиримая вражда, так и более сдержанные формы неприятия – вышучивание, высмеивание, ироническое снижение. Ироническая и отрицательная оценочность свидетельствовала о проявлении *фельетонных* и *памфлетных* начал в корпусе политической лирики (Алексей Прядилов «Колыбельная надзирателя», Елена Ильзен-Грин «Вышка», Владимир Левицкий «Ода капитану Красильникову», Валентин Португалов «Не совсем веселая песенка»).

Особенно ненавистными представляли в обличительных стихах предатели, провокаторы и доносчики, сотрудничавшие с несправедливой, как полагали арестованные, властью. Их пресмыкательство, омерзительная продажность, распад и тление души вызывают у авторов чувство безразличия (Анна Баркова «Благополучие раба», 1954). Образы прислужников власти нередко заключаются в рамки *сатирического портрета* (Елена Ильзен-Грин «Конвоир», «Врач», «Палач»; Виктория Гольдовская «Охранник»; Юрий Домбровский «Чекист»; Елена Владимова «Палач») [2].

Доставалось и людям творческих профессий, поддерживающим Сталина, лъстиво певшим ему безудержную хвалу – поэтам, художникам, деятелям культуры. Так, получило широкую известность «Письмо Исаковскому» (1950) Геннадия Бешкарева, инспирированное стихотворением Михаила Исаковского «Слово к товарищу Сталину» (1945). Вот образцы филиппик из произведения малоизвестного тогда автора:

Я не верю тебе, – ты не глух и не слеп, –  
Тем подлей и продажней втройне ты!  
Проститутка, себя продавая за хлеб.  
Благородней тебя, поэта.  
Ты ж слащаво-восторженно оды строча,  
Божеством величая уroda,  
Верноподданно лижешь сапог палача,  
Растоптавшего совесть народа.  
И под твой испугленно кликушеский вой,  
Под кровавой пятою кумира.  
Стала Родина наша огромной тюрьмой,  
Небывалой в истории мира [Бешкарев].

Это же стихотворение Исаковского, видимо, вдохновило Юза Алешковского (настоящее имя Иосиф Ефимович Алешковский) на создание популярной среди молодежи и студенчества 1960-х годов «Песни о товарище Сталине» (1959). Она тоже выполнена в жанре *послания-обращения*, совпадает со стихотворением Исаковского по ритму и содержит как аллюзии на претекст, так и прямые цитаты. Сатирическая направленность *песни* создается комическим несовпадением желания «простого советского заключенного» воспеть величие вождя, прославить его ум, мудрость, революционную стойкость, способность принимать эпохальные решения и репертуаром речемыслительных возможностей говорящего. Бурлескно-«корявое» оформление рассказа о «товарище Сталине» в потоке мыслей зэка, недотягивающих до уровня должной сознательности и образованности, разрушает одическую стратегию и обнаруживает пародийную подкладку произведения. Ситуация подрывается изнутри еще и тем обстоятельством, что ролевой герой, не понимая истинного положения дел, пытается воспеть того человека, благодаря которому в конечном счете он и оказался в заключении:

Товарищ Сталин, вы большой ученый —  
в языкознание знаете вы толк,  
а я простой советский заключенный,  
и мне товарищ — серый брянский волк.

За что сажу, поистине не знаю,  
но прокуроры, видимо, правы,  
сажу я нынче в Туруханском крае,  
где при царе бывали в ссылке вы.

В чужих грехах мы с ходу сознавались,  
этапом шли навстречу злой судьбе,  
но верили вам так, товарищ Сталин,  
как, может быть, не верили себе (с. 911).

«Песня о товарище Сталине» исполнялась под гитару и вписывалась в то, что позднее стало иногда называться шансоном, а в пору появления относилось к *блатными песнями*. Блатные песни культивировались криминальным миром, а с образованием ГУЛАГа стали его принадлежностью. Важно отметить связь части этих песен с традициями русских *кандалных песен*. Это песни о горестной доле арестанта, его страданиях, издевательствах охранников и конвоиров, тяжком физическом труде и жизни, полной лишений, голоде и холоде, о тоске по дому и мечтах о желанной свободе. Эти песни смыкались с *тюремной лирикой*, описывающей мрачный быт заключенных, ненавистные, потому уродливо выглядящие фигуры надзирателей, темные коридоры и коморки, запоры и решетки камер предварительного следствия, допросы, передвижения по этапу, лай овчарок и многие другие подробности и детали жизни в неволе. Большинство заключенных вполне оправданно считало себя невинно осужденными, и поэтому распространенными были *сетования, жалобы* на несправедливость и *самооправдания*, отливающиеся в формы *лирического раздумья, размышления*. Приведу в качестве примера отрывок из стихотворения Рувима Морана «Десятый пункт»:

Я не убийца, не бандит, не вор,  
Не диверсант, наемник Уолт-стрита, –  
Я просто всем ханжам наперекор  
О том, что думал, говорил открыто.  
Да, славословил я. Но непритворно.  
Да, правды часть я иногда скрывал.  
Но то, что было черным, – то я черным,  
Что было белым – белым называл (с. 816).

Вырванные из жизненного круга, находясь в изоляции, заключенные жаждали общения. Они мысленно беседовали с родными людьми, их души тянулись к душам близких людей: матери, сестры, мужа или жены, друзей. Так возникали воображаемые разговоры, *интимные послания*, передающие сокровенные мысли пишущих (Ольга Адамова-Слиозберг «Маме», «Дочери», «Сыну»; Юлия Панышева «Моей матери»).

Создавались также сюжетные формы - *рассказы, стихотворные баллады*. Нередко такие *стихотворные повествования* строятся на поражающих воображение сюжетах, которые, кажется, могут происходить только в страшном сне или аду. Так, в стихотворении Григория Антонова «У лагерных ворот» (1953) описывается дикий случай, когда доведенный до отчаянного состояния заключенный отломил от собственной отмороженной руки и бросил в начальника остекленевший палец:

Не глядя на своих конвойных,  
На серый вытоптанный снег  
Вдруг непреклонно и спокойно  
Из строя вышел человек.  
Он палец отломил от кисти  
И им в начальника швырнул (с. 936).

Стихи политических заключенных, воспроизводя общую топику массовой лагерной поэзии, выделялись не только высоким интеллектуально-культурным уровнем, но и стремлением противопоставить обезличке и бесправию, бесчеловечности, царящим на зоне, стойкость и величие духа, волю к творчеству и силу души. Такова *баллада* Елены Владимировой «Мы шли этапом. И не раз...» (с. 332), в основе сюжета которой – поединок конвоира и отказавшегося выполнять его приказ заключенного, поединок, закончившийся моральной победой узника; таковы стихи Елены Михайловны Тагер, лирическая героиня которых намерена выжить вопреки всем силам зла и осуществить свою культурную миссию:

Потому — не в моей природе,  
Не закончив, дело бросать;  
Это книга о русском народе —  
Я должна ее дописать (с. 28).  
(«Если б только хватило силы...», 1946)

Нельзя не упомянуть о религиозной составляющей поэзии Гулага. Православные представления определяли существо художественной позиции Александра Солодовникова, Натальи Ануфриевой, Николая Стефановича, воскрешающих традицию русских духовных стихов. Вера помогала выстоять в нелегких жизненных испытаниях и наполняла их поэтические высказывания духовным содержанием. Поэтов объединяла убежденность, выраженная А. Солодовниковым, что «чрез утраты и печали / растет духовный человек». Произведения насыщались христианской атрибутикой и библейской образностью (Юрий Домбровский «Апокриф»), становились способом общения с высшими силами, превращались в молитвы (Николай Давиденков «Молитва»; Ида Напельбаум «Молитва заключенных женщин»). С Христом связывались надежды на всеобщее спасение:

О, Господи, услышь мой плач!  
Я верю – Ты всесильный Врач,  
Приди, спаси святой любовью  
Русь, истекающую кровью,  
А вместе с ней спасусь и я,  
Тебе во славу гимн творя (с. 723).  
(Анатолий Александров «Приди, спаси...», 1949)

Религиозные стихи – псалмы, славословия, гимны - наполнены восхищением красотой мира, чувством благодарности за дар жизни и благоговейным восхвалением Бога, простотой и открытостью взгляда

на мир, безропотным смирением, трогательной доверчивостью, сердечной отзывчивостью и добротой.

#### **Примечания:**

[1] - Морозов А.Г. «Когда наш мудрый вождь умрет...» // Поэзия узников ГУЛАГа: Антология / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. С.С. Виленский. М.: МФД: Материк, 2005. С. 606-607. Далее страницы этого издания указываются в тексте.

[2] - Наряду с сатирическими портретами, встречаются положительные перцепции и позитивные отклики о людях, интересных авторам (Сергей Марков «Адмирал Колчак»; Берта Бабина-Невская «Спасибо»; Геннадий Бешкарев «На прощанье»).

#### **Литература:**

*Ахметьев И.* О неофициальной поэзии в «Самиздате века» // НЛО. 1998. № 34 (6). С.307.

*Замятин Е.* Я боюсь // Дом искусств. Пг., 1921. Сб. 1. С. 43-45.

*Горелов А.* Лена – солдат революции // Распятые: Писатели - жертвы политических репрессий / Авт.-сост. Дичаров З.Л.; Ист.-мемор. комис. Союза писателей Санкт-Петербурга. СПб.: Просвещение., 1993 [Электронный ресурс].– Режим доступа: [http://www.belousenko.com/wr\\_Dicharov\\_Raspyatye1\\_Vladimirova.htm](http://www.belousenko.com/wr_Dicharov_Raspyatye1_Vladimirova.htm)

*Боков В.Ф.* Письмо Сталину из лагеря // Москва. 1999. № 9. С. 126.

*Соколов В.П.* Тени на закате: Стихотворения и поэмы, 1945-1982 / Сост. А.А. Истогина.- М.: Лира, 1999. С. 85.

*Бешкарев Г.* [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://soulibre.ru/>

#### ***Дубровских Т. С. (Челябинск)***

#### **Поэтика фантастического в новеллистике Николая Асеева**

20-е годы XX века превращают Россию, по известному выражению Евгения Замятина, в «фантастичнейшую из стран» [1]. Небывалое, странное, чудесное проникает в мир, разрушенный до фундаментальных основ и захваченный могучим космогоническим ураганом, на правах обыденных событий. Творческое воображение тщетно бросается вдогонку за социально-бытовыми метаморфозами и научно-техническими открытиями переходного времени. В поисках новых эстетических ориентиров и адекватных происходящему средств изображения писатели, в том числе и сторонники реалистического искусства, начинают активно прибегать к потенциалу поэтики необычайного. Стремительно расширяющееся пространство вторичной художественной условности выводит искусство слова за кажущиеся узкими рамки эмпирического опыта.